АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ
МУЗЕЙ СМЕРТИ
На основе реальных событий,
случившихся в Музее мировой
погребальной культуры и рассказанных
его создателем С.Б.Якушиным

Александр Александрович Тамоников

Музей смерти

Серия «Музей смерти. Мистические детективы Тамоникова»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28717322
Музей смерти / Тамоников Александр Александрович: Эксмо; Москва; 2018
ISBN 978-5-04-096803-9

Аннотация

Единственный в своем роде Музей смерти расположен на территории городского крематория г. Новосибирска. За внешней торжественностью и спокойствием этого необычного заведения кроется множество нерассказанных историй и неразгаданных тайн. Об этом – новый роман А. Тамоникова.

К бывшему спецназовцу, а ныне руководителю частного детективного агентства Никите Ветрову обратился директор Музея погребальной культуры Сергей Борисович Якушин.

В последнее время на территории музея с пугающей частотой стали случаться ЧП: пожар, попытка ограбления, обрушение потолка, затопление… В конце концов при странных обстоятельствах едва не погиб один из посетителей…

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	24
Глава третья	51
Глава четвертая	72
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Александр Тамоников
Музей смерти

Глава первая

Видение последнего боя было необычно ярким, динамичным и страстным. Канва не менялась – менялись вкусовые добавки. Режиссер моих видений не любил повторяться. Два осколочных выстрела, выпущенные гранатометом «РПГ-7», рвутся перед носом головного джипа, и машина по красивой дуге уходит в кювет, встречаясь с глинистым водостоком. Зад внедорожника подлетает, падает обратно. И я сижу не где-нибудь в курилке на базе, а в этой самой головной машине! Меня выбрасывает через лобовое стекло – успеваю сгруппироваться, и основной удар приходится на шлем и плечи. Разлетается стекло, галдят люди. Я качусь в неприветливую Ливийскую пустыню, а за спиной все грохочет. Секретный груз, перевозимый нашим подразделением из Триполи в никудышный городок Аль-Шейх, находится в двух пикапах позади головных машин. Три джипа сопровождения – два впереди, один сзади. Процедура стандартная, никогда не нарывались на засаду! «АКС» кувыркается вместе со мной. Финальный удар головой о камень, брызги света… впрочем, тоже стандартные. Шлем выдерживает. Слева скалистая гря-

да, за ней и засело вражье войско. Я прихожу в себя, валюсь за камень и бью по головешкам, мелькающим на гребне. В обезглавленной колонне не сказать, что полный бардак, но все драматично. Из джипа, который я только что покинул, выкатывается старший лейтенант Овсянников, залегает в водостоке и начинает палить. Водитель Терехов навалился на руль, не шевелится. Пуля из крупнокалиберного советского «Утеса» пробила шлем. Шлемы в пути не снимали, но не всегда следование инструкциям спасает жизнь. У второго внедорожника пробиты колеса, экипаж вроде цел, ищет укрытия. Замыкающая машина ощетинилась огнем. И этот джип в плачевном состоянии, разлегся брюхом, пламя из капота. Рвутся гранаты, дым – как из башен Всемирного торгового центра. Пикапы целые – они бронированные, колеса защищены стальными закрылками. Пятится машина с грузом, упирается в расквашенный джип. Пока не видно отступлений от реальности, но все еще впереди! Рычит майор Незнамов – командир группы: к бою! Груз выводить из-под огня! Второй выстрел взрывается в опасной близости. За что мне такая честь? Осколки минуют, я лежу за камнем, голова гудит и тошнит, как на первом месяце беременности. Продолжается огневая дуэль. Вскакивает боевик с «калашом», но тут же роняет автомат и катится по склону. Боевики уплотняют огонь, но и бойцы особой группы Центра специальных операций не сегодня родились. Они уже в укрытиях, сосредоточены, стреляют прицельно, и еще парочка «духов» от-

правляется к чертовой матери. Но что это? На юге клубы пыли, катят пикапы, набитые вооруженной публикой, трещат пулеметы!

– Все туда! – Майор Незнамов тычет пальцем и откатывается. «Туда» – это справа от дороги. Заброшенное здание, похожее на ферму – длинное, неприглядное, с черными провалами глазниц. Возможно, бывшая автомастерская – перед зданием обширный пустырь, остовы сгоревших легковушек. Спецназ заливает врага свинцом, доставая еще парочку бандитов. Виталий Овсянников из канавы швыряет гранаты. Они рвутся у подножия скалы, создавая завесу. Пикапы с ценным грузом уходят вправо от дороги, несутся к двустворчатым воротам. Там действительно в лучшие годы «кровавого» режима работала автомастерская с собственным гаражом – головной пикап разносит створки, влетает внутрь, за ним второй…

Захлебывается «Утес» на гребне скалы, но проблема решена – меткий выстрел сбивает пулеметчика, как кеглю, громоздкий пулемет валится вниз. Приближается пыльное облако. Внезапно здание с глазницами обрастает стеной огня – водители стащили с кузовов пулеметы «ПК», установили в окнах. Это реально дружеский огонь! Пикапы боевиков разносит, словно ураганом. Спецназ покидает позиции, бежит к зданию. Остаются раскуроченные внедорожники, мертвый Терехов за рулем – царствие ему небесное! Часть бойцов перебегают, остальные прикрывают, потом меняются. Вскрик

– подстрелили капитана Карамышева, пуля в ноге. Его подхватывает здоровяк Белыш, тащит на себе, а шустрый Женя Гладышев пятится за ними, стреляет веером. Люди вбегают в растерзанные ворота, ныряют в оконные проемы. Я тоже переваливаюсь через подоконник, отбиваю бок. Некогда глазеть по сторонам. Майор Незнамов скорчился за колонной, хрипит в рацию: «Муслим, Муслим, это Марракеш! Попали в засаду в двенадцати верстах от Аль-Шейха! Есть потери, груз у нас! Требуется поддержка». Виталий Овсянников припадает к соседнему окну, производит выстрел из подствольника и злобно ухмыляется – верный признак точного попадания. Катятся с горки боевики – их больше, чем думали, наседают упыри из пикапов. Последние тоже не стоят на месте – пыль столбом, здоровенные арабы из закрепленных на турелях «браунингов» бьют по зданию. Снова вскрик – отваливается от амбразуры капитан Максимов из Калининграда, лицо залито кровью…

Спецназ несет потери, это недопустимо!

Я вертелся на кровати, обливаясь потом, не мог проснуться… Все меняется, достоверность происходящего начинает вызывать вопросы. Безоблачное небо покрывается разрывами молний, летают крылатые твари с огромными туканьими клювами. Ну все, киностудия Marvel представляет! Пространство искажается, куда-то плывет. Товарищи по оружию – уродцы из кривого зеркала. Каркают «птеродактили», сыплются перья, как из разодранных подушек. Взрыв за

окном, я отшатываюсь, невольно озираюсь. Искажается «интерьер». Бетонные колонны, подпирающие потолок, меняют очертания, скругляются, обрастают вычурными капителями, распределяющими нагрузку с потолка. Они напоминают виноградные гроздья. Это и есть, черт возьми, виноградные гроздья! Расплываются стены, потолок устремляется ввысь. На полу полуметровые черные и белые плиты, уложенные в шахматном порядке. Разбитое оборудование превращается в домовины, устланные алой парчой. Все искривляется, рябит. Вия не хватает. И панночки с хорошеньким личиком. Где все? Почему так тихо? Словно затычки выдернули из ушей – море красок, рев! Я разворачиваюсь, высаживаю гранату из подствольного гранатомета. С воем падающей мины пикирует крылатое чудище, складывает крылья перед приземлением. Глазищи воспаленные, страшные. Пасть такая, что легкий джип проглотит. Граната попадает в брюхо, сыплются перья, тварь падает под окно, и мне ее теперь не видно. Нужно перегнуться, вытянуть шею, но дураков нет! Я пячусь, лихорадочно меняю отстрелянный магазин. Он выпрыгивает, как черт из табакерки, с обратной стороны окна. Бородатая морда – вполне человечья! Где рукокрылый демон? Только на носу почему-то блестят очки. Профессор террористических наук? Он скалится, хрюкает, борода развевается. Я выпускаю в него половину магазина. Во сне бывает всякое – пули летят куда угодно, только не в цель, причудливо ее огибают, а то и вовсе не желают покидать автомат. Сегодня все

работает исправно, я стреляю кучно – мишень в полутора метрах. Цель поражена, разлетаются стекла очков. Но что-то не так. Мишень на месте, лишь разбитые очки сидят как-то криво. Боевик обижен, выплевывает зубную крошку, что-то шамкает беззубым ртом – мол, хороший выстрел. Он бросается на меня, игнорируя подоконник! Разверзается пасть – сноп зловонного пламени! Прямое «пушечное» попадание! Даже во сне я все чувствую, бронежилет выдерживает, распределяет нагрузку. Но боль такая, что я задыхаюсь, теряю сознание…

Пора просыпаться. Именно так я и сделал – свалился на пол. Кровать скомкана, белье на полу. В окно сквозь неплотно задернутые шторы заглядывает майское солнышко. Все прошло, развеялось. Я привык к подобным вещам, они случались регулярно. Бывало, и в бодрствующем состоянии настигали видения – впрочем, не задерживались, и в присутственных местах я в припадках не бился. На часах начало десятого, на календаре – понедельник, 28 мая 2018 года. Лето пришло в Новосибирск – зеленое, короткое и малоснежное. Я, в принципе, выспался, только в горле застрял комок, тошнило, и болела голова. Смартфон на тумбочке исполнял вопли полицейской сирены. Каждому абоненту в телефоне я присвоил собственный рингтон. Я помотал головой, выгоняя остатки сна, высыпал на ладонь из флакона две таблетки (нужно одну, но где одна, там и две), проглотил их, запив водой из пластиковой бутылки. И только после этого потя-

нулся к телефону.

– Это Никита? – осторожно осведомился Вадим Кривицкий, мой добрый однокашник, замещающий начальника уголовного розыска Центрального ОВД.

– А кого хотел-то? – проворчал я. Вадим усмехнулся.

– Но это не твой голос…

– Прекрати издеваться, – разозлился я. – Ты всегда узнаешь мой голос, даже с лютого бодуна. А сегодня, кстати, не он…

– Ой ли? – Мой старинный приятель продолжал веселиться. – А кого вчера патруль принуждал к миру на углу улиц Крылова и Каменской? Там есть кафе с таким банальным названием… – абонент задумался. – С пургой связано…

– «Ветрянка», – подсказал я.

– Да, точно, «Метелица», – вспомнил Кривицкий. – Пересказ песни: «А у кафе «Метелица» пять мужиков метелятся…»

– Я уложил четверых? – испугался я, машинально ощупывая лицо.

– Нет, только двоих, – успокоил Вадим, – Посетитель, не будем называть его имени, вышел из кафе, случайно задел мирно курящего гражданина, у которого, как выяснилось позднее, за плечами две отсидки и товарищи рядом…

– Разрушения были? – Я сглотнул.

– А ты не помнишь?

– Помню, – смутился я. – Просто уточняю.

– Разрушения минимальные, и мирно курящие граждане, как свидетельствуют очевидцы, получили по заслугам. Патруль проверил твои документы, старший наряда позвонил мне, поскольку фамилия задержанного показалась ему знакомой. Тебя отпустили, сделав строгое внушение: нельзя так сильно бить блатных людей, поскольку этим ты отбираешь хлеб у работников правоохранительной системы.

– И меня отпустили? – не поверил я.

– А что ты хочешь, это страна возможностей, – хохотнул Кривицкий. – Здесь возможно всё. Но отчаянно рекомендую, Никита, в следующий раз держи себя в руках. Твои таланты еще понадобятся нашим сотрудникам и мне лично. Надеюсь, у тебя была железная причина напиться в хлам?

Я невольно задумался. Причина была, но мир не пошатнулся, и я не чувствовал себя глубоко несчастным. Так – слегка уязвленным. Марина, с которой я встречался последние полгода, сообщила, пряча глаза, что она долго думала и поняла, что я не герой ее романа. Она выходит замуж – за престарелого владельца сети бургерных и шашлычных, к которому у нее вспыхнуло чувство. «Прости, Никита, ты хороший человек, но я нашла себя, – вздыхала Марина. – Все женщины хотят стать женами богатых мужчин». «Дорогая, не обманывай себя, – нашелся я. – Во-первых, не говори за всех, во-вторых, эти дамы хотят стать ВДОВАМИ богатых мужчин. Прощай, моя любовь, я уже скучаю». На этой минорной ноте Марина поспешила покинуть сомнительное за-

ведение, а я остался и, видимо, напился. С личным богатством у вашего покорного слуги действительно проблемы. Особенно в текущем месяце.

– Ау, ты здесь? – осторожно осведомился Кривицкий.

– Прости, углубился в прошлое, – вздохнул я. – Спасибо, Вадим, это больше не повторится.

Я разъединился и бросил телефон на тумбочку. Но он опять завелся – заиграл пионерский горн, предваряющий утреннюю гимнастику. «Здравствуйте, ребята! В эфире «Пионерская зорька»!» Звонила моя помощница и секретарша Римма Казаченко.

– Ну что? – простонал я.

– Никита Андреевич, вы в курсе, который час? – нагловато осведомилась Римма. – Вы на работу сегодня придете?

– А что, опоздал? – фыркнул я.

– Нет, что вы. – Римма явно переигрывала. – Вы не можете опоздать на работу, поскольку это ваше агентство, и вы можете приходить, когда вам вздумается, или вообще не приходить. Так вы придете на работу?

В обязанности Риммы Казаченко входило сидеть в офисе весь рабочий день, принимать почту, отвечать на звонки клиентов и не совать свой нос в чужие дела.

– А есть смысл? – осторожно спросил я.

– Думаю, да. И поспешите. А не то выгодная работа уйдет в другое агентство. Не хочу вас расстраивать, Никита Андреевич, но деньги самостоятельно на банковский счет не ло-

жатся. Они там появляются в результате упорной и неблагодарной работы…

Ну это у кого как. Впрочем, по поводу моих отношений с дензнаками Римма была права. Я раздраженно отбросил телефон и продолжил просыпаться. Я, в принципе, малопьющий человек (прикладываюсь часто, но немного), странно, что вчера такое случилось. С Мариной Потапенко, молодым неврологом из детской больницы Заельцовского района, я и не собирался связывать дальнейшую жизнь. «Временный роман», своеобразная почтовая станция на зимней дороге, где ямщики отдыхали и меняли лошадей. За последние полгода я не узнал ничего нового. Только то, что окулистов теперь положено звать офтальмологами, а невропатологов – неврологами. Видимо, меня уязвило, что я тоже был «почтовой станцией». Теперь это не имело значения. В голове еще витали остатки просмотренного сна. Видения давили на психику, и никакие таблетки не спасали. Последний бой, когда я получил тяжелую контузию, преследовал, как назойливый коллектор. Я потерянно бродил по своей двухкомнатной квартире в центре. Тихий дворик, старый сталинский дом на улице Советской недалеко от знаменитых Федоровских бань, которые несколько лет назад снесли, а потом заново построили. Третий этаж, крохотный балкон с видом на уродливый тополь, две неожиданно просторные комнаты и крошечная кухня, на которую входить рекомендуется боком. Мама объясняла: дом строился в конце сороковых для советских лю-

дей, а им не пристало отвлекаться на готовку от строительства коммунизма. Питаться нужно в столовой, а для экстренных случаев сойдут и четыре метра. Родители в этой квартире давно не жили. Отец скончался семь лет назад, мама переехала на Затулинку к больной сестре, а после ее смерти там и осталась. Надеялась, что сын скоро женится и будет жить с семьей в престижном центре. Но сын никуда не спешил, памятуя об английской мудрости: «Брак – это долгий и скучный обед, на котором десерт подается на первое».

Хорошо, хоть мама не звонила, иначе был бы полный комплект. Я бродил по холостяцким «апартаментам», убедился, что отражение в зеркале не деформировалось после стычки с неприятелем. Значит, грамотно работал, осталась память в руках. Из зеркала в ванной смотрело взъерошенное нечто (пока неплохо сложенное и с не самым отталкивающим лицом), сломавшее в подобных ситуациях не одну зубную щетку…

Личный автотранспорт в этот день я проигнорировал, будучи законопослушным гражданином. Не новый, но пока еще годный «Террано» стоял на парковке перед домом. Он простоял там все выходные. В субботу его полило дождем, в воскресенье обработало пыльной бурей, а сегодня он нежился на солнышке и меньше всего хотел куда-то ехать. До места работы – два квартала. Пройтись по городу было приятно. Реально наступало лето, припекало солнце, на небе – ни малейших признаков ненастья. Город позеленел, на клумбах

распускались цветы. За десять минут я добрался до Потанинской улицы, преодолел шлагбаумы и баррикады из припаркованных машин. Заграждения в этом городе ставили ВЕЗДЕ – мирные жители отгоняли чужой транспорт, офисные работники не подпускали чужаков к своим владениям. Прокуратура устала бороться с этой эпидемией и теперь ограничивалась лишь небольшими штрафами. Офис располагался в двухкомнатной квартире на первом этаже внушительного каменного здания. Предыдущие владельцы вывели квартиру из жилого фонда, за что я им был крайне признателен. И все равно аренда в центре съедала половину дохода. У входа в подъезд висела табличка «ЧП «Ветров». Частные расследования». Я посмотрел по сторонам, протер ее носовым платком, после чего вошел в подъезд, воспользовавшись «таблеткой».

Римма Казаченко проводила операцию по пересадке фиалок. Невысокая приятная женщина в эротично облегающем платье – к сожалению, замужем, 43 года, дочь на первом курсе медуниверситета. Муж не бедный, хорошая должность в компании «Сибэко», могла бы не работать. Однако числилась в моем штате уже два года – была единственной наемной работницей. Возможно, в семье у нее было что-то не так, я в эти дела не лез. Отношения с Риммой были чисто деловые. В прошлом она трудилась секретаршей у начальника районного отделения милиции (тогда еще была милиция); а когда он попался на взятке и загремел с поста, ушла в кол-центр,

потом нас свел Вадим Кривицкий, порекомендовав эту женщину как идеальную работницу. Возможно, она и постукивала в полицию – меня это мало волновало.

– Надо же, прибытие, – покосилась в мою сторону Римма. – А что такой мрачный? Букет на похоронах поймал?

– Очень смешно, – буркнул я, падая на вращающийся стул.

– Еще и носки разные. – Она быстро глянула на мои конечности.

– Они одинаковые, – возразил я.

– Нет, они разные, – настаивала Римма. – Собрался спорить с женщиной, Никита Андреевич?

Она присыпала пересаженный куст свежей землей, задумалась – не прочесть ли эпитафию. Спорить глупо – женщине виднее. Она вернулась на рабочее место и стала пристально меня разглядывать. Как будто она тут начальница, а не я!

– М-да, – резюмировала Римма. – Как говорят алкоголики, жизнь прекрасна, пока есть печень. Тридцать пять мужику, а ума так и не нажил…

– Чушь, – фыркнул я. – Ты знаешь, что я пью мало.

– Но часто. – Она сделала сочувствующее лицо, которое ей, в принципе, шло. – Что случилось, Никита? На тебе лица нет. Марина бросила, выпивка, видения, галлюцинации под видом сновидений?

– Да, именно в этой последовательности, – неохотно согласился я.

– С Мариной ясно, – деловито сообщила секретарша. – Она тебе не пара, я давно говорила. Что с остальным?

– Не знаю, – отмахнулся я. – Я не толкователь галлюцинаций. Давай не злить меня сегодня, Римма Владимировна, хорошо? Выкладывай, чего звонила?

– Работу нам нашла, – не без гордости сообщила помощница. – Звонил клиент, и я сразу согласилась составить с ним договор. Ты в курсе, что в этом месяце мы пробили дно, клиентов нет, и кончится тем, что нас выгонят арендодатели и тебе придется объявить свою фирму банкротом?

– Ну, знаешь, Римма, – разозлился я, – не тебе судить о нашем положении! Ты наемная работница, вот и молчи в тряпочку! За что я ежемесячно плачу тебе бешеные тридцать тысяч? За пересадку вот этих органов? – Я ткнул пальцем в посвежевшие фиалки. – За то, чтобы ты в обход шефа нанимала нам клиентов? Знаешь, я не так часто тебя критикую…

– Поскольку не за что, – отрезала помощница. – Без моего опыта твой бизнес давно бы зачах. Будем ссориться, Никита?

– Ладно, не будем, – махнул я рукой. – Выкладывай, кому ты меня продала?

– Начнем с того, что сегодня 28-е число. – Римма выразительно покосилась на календарь. – Моя зарплата – в конце месяца. Почему я должна напоминать? Мы уже разорились?

Мысленно чертыхаясь, я добрался до сейфа, утопленного в стену, вынул и бросил на стол заранее приготовленный конверт. Римма взяла его осторожно, двумя пальчиками.

– Ты чего? – насторожился я.

– Не бешеные? – Она засмеялась, бросила конверт в сумочку. – Ровно в девять утра звонил Якушин Сергей Борисович, спрашивал тебя. Я сказала, что ты на выезде, но обязательно будешь к одиннадцати…

– Кто это? – перебил я.

– Он сказал, что хочет предложить работу – как раз по твоей специальности, все законно, обещает достойно оплатить твой труд. Я сказала, что ты обязательно возьмешься, ему совершенно незачем обращаться в другие агентства…

– Кто это, Римма? – повысил я голос.

– Как, ты не знаешь? – Она округлила и без того круглые глаза. – Ты не слышал про наш крематорий и находящийся при нем музей мировой погребальной культуры?

Звучало, честно говоря, не очень. Я НИКОГДА не бывал в нашем крематории, не хоронил там своих близких и не посещал погребальной культуры. Хотя, будучи эрудированным человеком, что-то слышал. Не любил я мертвых, предпочитал сотрудничать с живыми.

– Сергей Борисович – основатель и директор крематория, – продолжала мой ликбез Римма (похоже, у нее было время изучить тему), – был вдохновителем создания Музея погребальной культуры. Кстати, штука уникальная – нигде в мире нет аналога. Американский сайт о музеях включил его в список самых странных музеев мира – наряду с музеями конопли, самогоноварения и эротики. Где еще поразмыш-

лять о феномене смерти, как не на краю земли, в далекой и вечно заснеженной сибирской глубинке…

– Гордость берет за наш заснеженный городок, – пробормотал я. – Уникальный оперный театр, не имеющий аналогов зоопарк, самый большой аквапарк, самый длинный метромост… А теперь еще и… как ты сказала?

– Музей мировой погребальной культуры, – отчеканила Римма. – Кстати, крематорий у нас тоже уникальный и лучший в Европе. Это не я придумала, так пишут. И в этом заслуга Якушина Сергея Борисовича, бизнесмена и филантропа. Его идеи, его воплощение. Я все изучила, пока ты просыпался и шел на работу, вот, смотри. – Римма надула щеки и развернула ко мне монитор, по которому забегали яркие картинки. – В музее тысячи экспонатов, он занимает несколько зданий. Все, что относится к траурным традициям – нашим, зарубежным. От XVI века – и до наших дней. Редкие артефакты, похоронные экипажи, траурные платья, урны, венки, гробы, плиты, архивная документация, аксессуары, архитектура, украшения, гравюры, картины, иконы, посмертные маски, мемориалы из настенных украшений, инсталляции – манекены разыгрывают соответствующие сценки. Похоронные традиции разных континентов…

– Римма, выдохни… Что по клиенту?

– О, ты уже называешь его клиентом, – обрадовалась Римма. – Якушину – шестьдесят с небольшим. Высшее образование… ну это понятно. Преподаватель, переводчик, ру-

ководил «Сибирской ярмаркой». В 2003 году основал крематорий, где, между прочим, осуществляется тридцать пять процентов всех захоронений нашего города. Энтузиаст, которых мало. Академик Европейской академии естественных наук… – Римма развернула к себе монитор, увидев, что я не реагирую. – Основатель музея погребальной культуры, издатель журнала «Похоронный дом», учредитель интернет-ресурса «Похоронный портал», президент международной выставки «Некрополь», вице-президент Союза похоронных организаций и крематориев, член совета директоров Международной федерации ассоциаций танатологов… – Она уставилась на мой мутнеющий лик и добавила: – Музей, естественно, входит в федерацию танатологических ассоциаций… И перед кем я распинаюсь? – рассердилась она. – Этот неуч даже не слышал таких слов.

– Я знаю, что такое Танатос, – возразил я.

– КТО ТАКОЙ Танатос, – поправила Римма. – У древних греков – олицетворение смерти, родной брат бога сна Гипноса. Крылатый юноша с погасшим факелом. Единственный, кстати, из богов, кто не приемлет даров и подношений.

– А есть еще «танатос» с маленькой буквы, – сумничал я. – Один из терминов психоанализа – неосознанное влечение к мертвому состоянию. Обратное понятие – Эрос, но это не то, что ты подумала, а инстинкт самосохранения.

– Приятно такое слышать от военного человека, – похвалила Римма. – Так вот, что касается детища Якушина. Это

не только крематорий и музей. Там все поставлено на широкую ногу. У предприятия свой завод, свои мастерские – изготовляют гробы, кресты, атрибутику. Обработка металла и камнеобработка, столярные цеха, учебный центр с широким выбором профессий – от гробовщика до церемониймейстера. Есть фабрика по производству похоронной косметики, проводятся лекции для приезжих специалистов – по искусству бальзамирования, танатопластике – это процесс восстановления изуродованных трупов…

– Все, Римма Владимировна, довольно… – взмолился я.

– Можешь заключить с крематорием прижизненный договор. – Римму несло, она меня не слышала. – Услуга недорогая, составляется контракт, в котором ты оговариваешь все, что хотел бы увидеть на своих похоронах: ритуал, сценарий развития событий… Нет, пойми меня правильно, – спохватилась помощница, – я не спешу как можно быстрее от тебя избавиться. Так поступают многие – и большинство из них вовсе не спешит умирать. Есть договора, составленные в 2003 году, – клиенты живы и процветают. Считается, что этому есть объяснение, но оно тебе не понравится…

– Стоп, – сказал я. – Помолчи, моя дорогая, отдохни, ты устала. Когда позвонит клиент – в одиннадцать?

Мы дружно повернулись к настенным часам. 10:48.

– Да, в одиннадцать, – согласилась Римма. – Он сказал, что работа, которую он хочет предложить, связана непосредственно с музеем.

«Ладно, не с крематорием», – подумал я.

Она опять уставилась в монитор – повышала свой образовательный уровень. Иногда боязливо косилась – словно это был какой-то экстремистский материал. А я, если честно, не знал, что думать, поэтому просто ждал. Походил из угла в угол, закурил у открытой форточки. Настенные часы быстрее не пошли. Римма выключила монитор, обратила на меня лик пресвятой мадонны.

– У самой-то как? – спросил я.

– Нервно, – призналась Римма. – Летняя сессия у нас на носу. Экзамены в университете – это разновидность терроризма. Федор отстранился – работа у него, сами долбитесь. Люська вся на нервах, общаемся исключительно на грубостях. Вчера дома не ночевала – у подруги всю ночь писала курсовую…

Я сочувственно кивал. Странно, Римма еще не знала, что скрывается под фразой «всю ночь писала курсовую у подруги».

Телефон зазвенел ровно в одиннадцать. Римма схватила трубку и сделала круглые глаза.

– Да, Сергей Борисович, он уже здесь. Даю ему трубку…

– Никита Андреевич Ветров? – осведомился абонент. – Руководитель детективного агентства «ЧП “Ветров”»? – У него был мягкий спокойный голос.

– Да, это я. Здравствуйте, Сергей Борисович.

– И вам доброго дня, – подхватил собеседник. – Знаете,

Никита Андреевич, я не буду ходить вокруг да около. Разумеется, я наводил о вас справки. Хочу предложить работу по вашей детективной линии. Если интересует, можете подъехать через час-другой. Я буду в музее, и мы поговорим.

– Это разовая работа? – вырвалось у меня.

– Да, конечно, – удивился Якушин. – Впрочем, если мне понравится ваш подход к делу, то не вижу причин не предложить дальнейшее сотрудничество. А вы сами решайте, хотите ли с этим связываться.

– О какой сумме идет речь?

Он назвал сумму, и чем-то она меня зацепила. Сумма на порядки превышала прожиточный минимум в этой стране и со всех сторон смотрелась привлекательно.

– В случае успешного разрешения вопроса вы получите бонус в размере пятидесяти процентов от гонорара, – добавил Якушин. – Итак, я жду вашего решения, Никита Андреевич.

Римма жестикулировала всеми частями тела – давай, давай, не останавливайся! Когда еще представится возможность поправить наше финансовое положение?!

– Хорошо, Сергей Борисович, приеду.

Глава вторая

Я направлялся в крематорий со странным чувством. Пытался осознать его природу, но ничего не получалось. Время прошло – я мог садиться за руль. Я сидел на подоконнике в подъезде между этажами, давился крепким кофе из чашки-термоса, гадал, что со мной происходит. Высунулась Римма, хихикнула с ехидством.

– Та-ак, гражданин, распиваем кофе в подъезде?

– Римма, уйди, – взмолился я. – Ты сделала все, что могла. Займись делом – чем ты обычно занимаешься в рабочее время? Зависаешь с подругами в социальных сетях, играешь в игрушки, решаешь лабораторную ребенку?

Потом я бодро добежал до «Террано» в своем дворе, вывел его на центральную магистраль, традиционно запруженную транспортом. Не меньше часа я пробивался через Красный проспект, через такой же забитый проспект Дзержинского, вырвался на волю, покатил по узкой пригородной дороге. Через десять минут я свернул на светофоре в поселок Восход, застроенный вполне приличными коттеджами, а еще через три минуты остановился у шлагбаума. Я опустил окно, чтобы сообщить цель визита и назвать фамилию пригласившего меня господина, но не успел. Охранник посмотрел на номер машины и поднял шлагбаум. Я въехал внутрь, вновь остановился, чтобы спросить дорогу до объекта.

– Езжайте по этой дорожке, – опередил меня страж шлагбаума. – Никуда не сворачивайте. Справа от крематория будет парковка. Там увидите вывеску музея.

Несколько озадаченный, я отправился дальше. Дорожка тянулась мимо зеленых насаждений. Высились шеренги сосен и елей. Слева простирался просторный Парк Памяти, я огибал его справа, въезжал на территорию скорбного заведения. Справа от основного здания действительно находилась парковка со свободными местами. Все вокруг было опрятно, как-то непривычно. Я постоял у машины, покурил. Время терпело, и я совершил небольшую прогулку вокруг крематория. Честно говоря, я ожидал увидеть что-то попроще. Парк Памяти напоминал классический французский сквер, по нему гуляли люди. Не много – но и не сказать, что парк пустовал. Его обрамляли скульптурные композиции ангелов и святых. Возвышались мощные изваяния-урны – они чередовались с белыми фонарями на узорчатых столбах. На дорожках царила чистота, аллеи обрамляли светлые бордюры. Траву уже постригли, в вазонах пестрели цветы. Центральную аллею завершала скульптурная композиция распятого Иисуса под двускатным навершием креста. Центральная аллея фактически упиралась в здание крематория – к главному входу вела широкая лестница. Все строения на территории были окрашены в неожиданно яркий и совсем не скорбный (по моему разумению) терракотовый цвет. Основное здание имело оригинальную конфигурацию – передняя часть пред-

ставляла в плане сегмент окружности. Карниз возвышался по всему периметру, и его поддерживали черные колонны. Главное строение венчал сферический купол, навевающий аналогии с куполом собора Святой Софии в Стамбуле. Мои представления о подобных местах, видимо, устарели. Слово «крематорий» всегда ассоциировалось со зловещей трубой, пропускающей через себя продукты горения (как не вспомнить Освенцим). Здесь я, сколько ни озирался, не видел ничего похожего на трубу, что, в общем-то, радовало. Если не замечать надписи на фронтоне «Новосибирский крематорий», то здание могло ассоциироваться с чем угодно – например, с театром. На подъездной дорожке стояли черные катафалки, по ступеням спускались люди, простившиеся с близким. Я поспешил удалиться. К задней части крематория примыкала стена с белыми фальшколоннами и треугольными фронтонами. За стеной находились колумбарии – издали они напоминали миниатюрные жилые здания в конструктивистском стиле. Арочные галереи, вереницы полукруглых ниш – своего рода кладбище, где хранится прах покойных. К отдельным колумбариям вели лестницы с внушительными перилами и узорными балясинами, другие находились вровень с землей, их окружали вазоны, столики и лавочки. Я ловил себя на мысли, что здесь просто приятно гулять – не ощущая при этом отрицательных вибраций. Часть ниш в колумбариях была свободна, другие «заняты» – за стеклами выделялись изображения почивших.

Неожиданная находка – самый настоящий одногорбый верблюд за загородкой! Он был вполне себе жив, прогуливался взад-вперед, снисходительно поглядывал на глазеющих на него людей. Я тоже постоял, отправился дальше. Завис, удивленный, у вагона-теплушки, символизирующего, видимо, разгул репрессий в Советском Союзе. Здание музея находилось слева от крематория. Оно не отличалось изяществом линий и сложностью архитектурных решений (по утверждению Риммы, в нем раньше находилась котельная Военторга), но смотрелось солидно. Черные скульптуры на крыше, у входа в музей. Напротив крыльца разлегся сфинкс – не такой, конечно, как в Египте, но тоже неплох. Фронтон здания венчал черный баннер с белым пояснением: «Музей погребальной культуры». Из здания вышла молодая пара. Девушка как-то ежилась, кукольное личико хранило задумчивость. Парень закурил.

В просторном помещении, напичканном всевозможной атрибутикой, царил загадочный полумрак. Я ловил себя на мысли, что испытываю некий пиетет (пока неясно, к кому) и даже немного зачарован. Атмосфера внушала робость…

Но первое, что я увидел, – это пол, устланный в шахматном порядке черными и белыми плитами. Я смотрел на этот пол, как баран на новые ворота, и кожа покрывалась мурашками. Все это было, разумеется, совпадением, а мистика – плод фантазии недалеких людей. Именно такие плиты я видел в ночном сне, когда группа майора Незнамова обороняла

от летучих тварей заброшенную автомастерскую…

Я тряхнул головой, освобождаясь от липкого наваждения. Это просто пол – усиливающий атмосферу торжественности.

– Добрый день. – Ко мне подошла невысокая худенькая девушка. – Вы хотите посетить наш музей?

– Думаю, да, – засомневался я. – Следует купить билет, не так ли?

– Если вам не сложно. – Девушка улыбнулась. – Можете рассчитаться прямо здесь.

Я всматривался в мглистые очертания большого зала. Дефицита экспонатов музей не испытывал. Стеллажи, витражи, сюжетные инсталляции, на стенах картины, иконы. Интимная синеватая подсветка. Напротив входа на небольшом постаменте лежали надгробные плиты. Там же возвышался старинный катафалк – конный экипаж, похожий на карету, – с кучером и домовиной внутри. С экипажа ниспадали траурные балдахины. Кучер на облучке смотрелся как живой. Справа в глубине выделялась лестница на второй этаж. Словно часовой, за ней присматривал установленный на задний торец гроб без крышки. Матово отсвечивал темно-красный бархат внутренней отделки.

– Лариса, не надо брать с товарища деньги, он мой гость, – прозвучал знакомый голос, и из помещения, примыкающего к входному тамбуру, возник мужчина. Ему было за шестьдесят, он смотрелся представительно и, я бы даже сказал, импозантно. Подтянутый, среднего роста, располагающее лицо

с внимательными глазами. Седые волосы и окладистая бородка – и эта седина его не портила, а, наоборот, добавляла какого-то шарма. Темные брюки, белая рубашка под строгой облегающей жилеткой, на манжетах – позолоченные запонки.

– Хорошо, Сергей Борисович, как скажете, – смиренно кивнула сотрудница и деликатно отошла на второй план.

– Никита Андреевич? – Мужчина протянул руку. – Очень приятно. Якушин.

Мы обменялись рукопожатием, его рука была твердой и уверенной. Я тоже старался соответствовать, но он, похоже, сразу меня раскусил. Блеснул в глубинах глаз юмористический огонек. Мол, все ясно с вами, товарищ. Больны «вчерашним», больны отсутствием денег, да и психика в связи с военным прошлым оставляет желать лучшего… Ну уж извините, какой есть.

– Прошу меня простить, произошла накладка, – виновато сообщил Якушин. – Важные посетители, я освобожусь через двадцать минут и присоединюсь к вам. А Лариса пока покажет вам экспозицию, проведет, так сказать, обзорную экскурсию. Походите с ней по залам, обвыкнитесь, вчувствуйтесь…

Я глянул через его плечо. В опрятно обставленном помещении (почему-то я мысленно окрестил его «рюмочной») находились столики, навесные шкафы. На тумбочке стояла кофемашина. Поблескивал зеркальный шкафчик, в кото-

ром я сразу заподозрил бар. Закипал электрический чайник. Служебное помещение смотрелось уютно. Похоже, ничто человеческое Сергею Борисовичу было не чуждо. Его дожидались мужчина с женщиной.

– Конечно, без проблем, Сергей Борисович, – кивнул я. – Я никуда не тороплюсь.

Он кивнул и удалился. Мы ходили по залам с сотрудницей музея, останавливались у экспонатов. У нее был хорошо поставлен голос, выразительная мимика – девушка идеально владела предметом. Посетителей в этот рабочий понедельник было немного, но люди ходили, разглядывали экспонаты. Тишина стояла, как в библиотеке, – я поймал себя на мысли, что в этом здании нет желания громко разговаривать. В принципе, это был обыкновенный музей – кабы не характер представленных экспонатов! Поначалу от увиденного было как-то не по себе, дискомфортно, но по мере прогулки возвращалось спокойствие, я начинал относиться к выставленным образцам как к ОБЫЧНЫМ экспонатам.

– В нашей экспозиции десятки тысяч предметов, – вкрадчиво вещала Лариса. – Не все они, разумеется, выставляются, часть хранится в запасниках. Но рано или поздно все попадает на выставку.

– И все ваши экспонаты объединены темой смерти? – спросил я.

Лариса снисходительно улыбнулась.

– Нет, боюсь, вы несколько упрощенно все понимаете.

Экспозиция посвящена похоронным традициям разных эпох и народов. Все, что касается погребальных ритуалов и похоронной атрибутики. Есть подлинные экспонаты, есть реконструкции – поскольку не все предметы тех эпох дожили до наших дней…

– А как пополняется коллекция музея? – поинтересовался я. – Откуда это все берется?

– Сергей Борисович – энтузиаст своего дела. – Лариса застенчиво потупилась. – Вы даже не представляете, сколько личных средств он вложил в этот проект… Зайдите, кстати, на наш сайт. Там сказано, что музей принимает в дар от населения старые предметы, связанные с похоронной тематикой. Это не обязательно XVIII или XIX века – это могут быть предметы, связанные с началом XX века, с советским периодом, в котором тоже было много интересного. Порой встречаются настоящие предметы искусства – такие вещи, если владелец не против, мы, разумеется, покупаем… В нашей коллекции представлено около 200 траурных платьев XIX века, вы можете видеть модели катафалков, множество гравюр, посвященных погребению, фотографии, открытки, медальоны, настенные мемориалы. Есть образцы официальных документов, заключений судебной экспертизы, некрологи и тому подобное. Обратите внимание, здесь представлены образцы кладбищенской архитектуры – могильные плиты XIX и начала XX века; специалисты исследуют типологию намогильного креста…

Рассмотрев похоронный экипаж, в котором лежала укрытая парчой домовина некоего купца из Бердска, мы подошли к могильным плитам. Они были старые, местами потрескались, стерлись надписи. От них буквально веяло какой-то замогильной стариной. Лариса объясняла: это сейчас ставят стелы в изголовье умерших. На них изображают даты, портреты и эпитафии (последнее – необязательно). Раньше данную функцию выполняли надгробные плиты, а в изголовье водружали кресты. Разбегались глаза. На стенах плотными рядами висели иконы и картины – имелось бы время, каждую из них стоило рассмотреть отдельно. Мы осмотрели коллекцию траурных платьев, покрытых крепом, урны на стеллажах – их было много, и ни одна по конструкции не повторялась. Рядом с лестницей на второй этаж – напротив поставленной на попа домовины – стену украшала коллекция намогильных крестов – тоже разнообразных конфигураций, большинство отлито из бронзы. Домовины, траурные накидки, настенные мемориалы из волос умерших – по-видимому, отдельный вид «изобразительного» искусства. Картина в богатой напольной раме из резного дерева – старый монах в накидке с капюшоном, опирающийся на лопату: преподобный Марк Печерский, святой Гробокопатель, объяснила Лариса. Монах Киево-Печерской лавры, почитается православной церковью. Подножие картины украшала гладкая каменная плита с кучкой совершенно конкретных человеческих черепов. Потом мы подошли к застекленной витрине –

снова черепа, кусочки костей, пепел в фигурной стеклянной емкости. «Прах и костные останки, остающиеся после кремации», – гласила для бестолковых сопроводительная надпись. Становилось интересно. Не совсем то, что требуется с похмелья, но все равно интересно.

– Полагаю, для вас не секрет, что прах умерших собирается в урны и выдается родственникам почивших, – говорила Лариса. – А родственники сами решают, что с ним делать. Кто-то держит дома, другие хоронят на кладбище, третьи помещают прах в колумбарий. Кто-то распыляет – в горах, на море и тому подобное. Зимой случилась трогательная история… – Голос девушки как-то дрогнул. – Мы проводили церемонию кремации… Когда все кончилось, сынишка умершей, мальчишка лет одиннадцати, незаметно умыкнул урну, вскрыл ее и высыпал на снег, выводя пеплом слово «Мама»… Потом ему хотели всыпать, но Сергей Борисович вовремя подошел, отсоветовал. Пусть так, у мальчика большое горе, он понимает все по-своему… Есть такие, что с прахом усопшего родственника поступают оригинально. Им наполняют кулоны, кольца, перстни, другие ювелирные изделия, имеющие закрытые полости. Из праха делают искусственные бриллианты, керамические изделия. Из праха пишут картины – его добавляют в краски. В Южной Корее к концу прошлого века стало негде хоронить людей, и их начали кремировать. Возникла традиция из праха усопшего выполнять бусины. Их хранят в специальных емкостях или

носят в виде украшения. Это не считается кощунством или чем-то неприличным. Если это помогает сохранить память о человеке – то только приветствуется…

То тут, то там мы натыкались на манекены, разыгрывающие соответствующие сценки. «Сюжетные инсталляции-диорамы», – по-научному объяснила Лариса. Манекены в одежде минувших эпох очень походили на живых людей. Обстановка «сюжета» воспроизводилась со всеми подробностями. Опознание трупа в старинной прозекторской. Работа патологоанатома с телом безвременно усопшего молодого человека. Швея за пошивом погребального наряда. Прием заказа в похоронной конторе начала XX века – безутешная вдова сидит на стуле, а напротив – приказчик с постной миной, стучит по клавишам старинного ундервуда, оформляя заказ. Похороны младенца – маленький гробик, крохотное тельце, скорбящие родственники, рядом сидит молодая мать в белом платье – очевидно, в некоторых культурах траурным считался белый цвет…

– Давайте поднимемся наверх, – Лариса посмотрела на часы. – Сергей Борисович скоро освободится…

Мы поднялись наверх мимо стены, увешанной крестами. Помещение на втором этаже было меньше, плотность же экспонатов в витринах зашкаливала. Похоронная атрибутика, детали одежды, аксессуары, которые следовало носить с собой при печальных обстоятельствах. Бусы, кулоны, ожерелья, изделия из жемчуга и аметиста. Снова мемори-

альные украшения из поделочных камней и волос умерших. Небольшие гобелены, при создании которых использовались седые волосы – не тускнеющие, в отличие от серебряных нитей. Коллекция дамских сумочек – необходимые предметы к траурным платьям, старинные зонтики от солнца – парасоли. Совершенно неожиданные вещи – коллекция старинных утюгов для разглаживания похоронного наряда – своего рода печки, в которых использовались тлеющие угли. «Очень тяжелые, – улыбнулась Лариса, – Даже те, что выглядят миниатюрно, невероятно тяжелые. Гладильщицы в швейных мастерских развивали неплохую мускулатуру». Шкатулки, табакерки, носовые платки, вуали, портсигары, старинные пипидастры – метелки для смахивания пыли. Дамские перчатки, шляпки, снова траурные платья…

– В Викторианскую эпоху были строгие моральные устои, – просвещала Лариса. – Сейчас все проще, но раньше нормы в обществе были гораздо жестче. И большинство этих требований относилось к женщинам. У мужчин все было на усмотрение и зависело от личных качеств. Я говорю о трауре, который носили родственники умерших. Вдовам полагалось носить только черное платье и накидку из бомбазина – это смесь шелка с шерстью. Платье – только с крепом, он покрывал практически все изделие. Обязательная траурная шляпка с вдовьим венцом, креповая вуаль. Если дама нарушала неписаные нормы – подвергалась общественному порицанию. Никаких увеселительных мероприятий, званых

обедов, походов в театр, никакой косметики на лице. Общение с людьми – минимальное. Если вдова писала письма – то только на специальной бумаге с черной каймой. Через год начинались послабления – скажем, можно было снять вуаль, избавиться от шляпки. Еще через год – к черной одежде разрешалось добавлять лиловые тона. Сдержанность во всем – в еде, питье, общении…

– Можно представить, с каким нетерпением дамы дожидались окончания траура… – не сдержался я.

– Да нет, никто не жаловался. – Девушка с юмором покосилась на меня. – У них имелся живой пример перед глазами. Королева Виктория сорок лет носила траур по своему мужу Альберту…

– Да, это не три года, – признал я. – Несчастная женщина…

– Говорю же, у мужчин все проще… – Девушка хотела что-то добавить, но такт не позволил (все правильно, погоревал, выпил, другую нашел – утешился, в общем). – Но это что касается вдов. Траур по детям и родителям длился меньше – хватало одного года, но при желании его могли, как сейчас говорят… пролонгировать. По племянникам, дядям и тетям, двоюродной родне и того меньше – три месяца… Теперь обратите внимание на эту часть музея.

Она подвела меня к стеллажам, сгруппированным посреди зала. Данная часть выставки представляла групповые фото, странные штанги со штативами высотой с человеческий

рост, изогнутые приспособления с миниатюрными тисочками. На треноге стояла старинная фотокамера.

– Для современного человека это выглядит абсурдно, неприемлемо, но в позапрошлом веке и вплоть до 20-х годов XX столетия это было весьма популярным поветрием – в Европе, России, на восточном побережье США. Возник данный жанр в викторианской Англии. Так называемый фотографический сеанс post mortem – посмертное фото. Недавно скончавшегося человека одевали в домашнюю одежду, придавали нужную позу и фотографировали в компании вполне живых родственников…

– А это еще зачем? – пробормотал я.

– Существовал спрос – существовало предложение, – пожала плечами Лариса. – Не стоит забывать, что ценности и представления людей прошедших веков существенно отличались от нынешних. Прижизненные фото имелись не у всех – дорогое по тем временам удовольствие. Умирал ребенок, умирал кто-то из взрослых – если у родных возникало желание, приглашали специального мастера из фотоателье, выражали ему свои пожелания, и мастер брался за работу. Запечатлеть мертвого человека, как живого, в окружении близких людей, считалось, как сейчас говорят, круто, и денег на это не жалели. Для кого-то это была последняя память. Мертвых усаживали на мягкую домашнюю мебель, с помощью штативов и зажимов придавали нужные позы, могли и вовсе делать фото в полный рост. – Лариса показала

на штангу с тисками. – Приспособления крепились сзади, на снимках их почти не видно. Перед вами несколько семейных фото – можете ознакомиться, а заодно попробовать угадать, кто тут жив, а кто… только делает вид.

Я всматривался в эти старые жутковатые снимки. Сидящий мальчик – от силы пара лет ребенку. За ним двое взрослых в полный рост – мужчина с женщиной. Как-то даже не по себе – все трое казались живыми! Естественные позы, все смотрели в объектив, глаза немного мутноватые, но это не показатель… Две обнявшиеся девочки – у одной прикрыты глаза, у другой – открыты, но в них такая смертная поволока, что можно не гадать… Детская смертность была невероятно высокой. Грипп, аппендицит, скарлатина – все, что в наше время легко лечится, тогда считалось смертельным заболеванием… Компания из трех взрослых человек – мужчина и две женщины. Все стоят – позы естественные, непринужденные, с лицами тоже все в порядке. В лицах что-то неуловимо общее – возможно, родные сестры и брат…

– Не догадались? – раздался за спиной голос. Он прозвучал негромко, мягко, и все равно я вздрогнул. Сергей Борисович Якушин подошел неслышно и мог стоять за спиной уже достаточно долго. – Прошу прощения, Никита Андреевич, что подкрался незаметно. – Мужчина улыбнулся. – Мертвый на данном фото – мужчина с усами, за его спиной мутновато выделяется штатив. Если присмотритесь, то поймете. На ранних фото – первой половины XIX века – эту

задачку, кстати, разрешить несложно. Тогда использовались дагеротипы, основанные на чувствительности йодистого серебра. Чтобы сделать снимок, требовалась долгая выдержка. Живые, в отличие от мертвых, не могли сохранять неподвижность, и их лица, как правило, смазаны…

– А здесь кто? – кивнул я на фото с ребенком и родителями.

– По правде, сказать, сам не понимаю, – пожал плечами Якушин. – Могу лишь догадываться, что жив здесь только мужчина, а мама с ребенком мертвы, хотя и выглядят, как живые. Но это чисто интуитивное мнение… Спасибо, Лариса, что провели человека по музею. А вы простите, Никита Андреевич, что задержался. Прибыли специалисты по бальзамированию из Красноярска, надо было им кое-что рассказать… Вы в порядке, Никита Андреевич? – Якушин прищурился. – Держитесь?

– Да, Сергей Борисович, я стойкий оловянный солдатик…

– Вот и славно. Вы можете идти, Лариса.

Я поблагодарил девушку за познавательную экскурсию, она удалилась в первый зал.

– Не желаете развеяться, Никита Андреевич? – предложил Якушин. – Я бы тоже прогулялся. До второго здания двести метров, на улице тепло, солнышко, да и вам покурить надо.

Он словно видел меня насквозь. Мы вышли из музея, я тут же закурил. Очень странно – я находился в здании около

часа, а не испытывал никаких отрицательных позывов. Просто устал. Голова не болела, хотя периодически в ней вспыхивали «афтершоки» от ночной встряски.

– Давайте посидим, – предложил Якушин, опускаясь на лавочку. – Потом посетим еще одно здание музея, а после поговорим. Не будем торопить события.

– Хорошо, – согласился я. – Вопрос позволите, Сергей Борисович? Как вы пришли к такому? – Я выразительно повел головой по сторонам. – Ну вы понимаете…

– Почему я бросил успешный бизнес, основал крематорий, возвел тут целую индустрию, связанную с похоронными процессами, а заодно основал музей, который большинство людей считает странным?

– Ну примерно. – Я сделал вид, что не смущен.

– Но это тоже успешный бизнес, согласитесь? Я не радуюсь, когда умирают люди, и вовсе не стараюсь на этом нажиться. Я зарабатываю на том, что предоставляю людям качественные услуги на высоком цивилизованном уровне, стараясь всячески смягчить их утрату – и все это, заметьте, по весьма приемлемой цене. Вам же нравится здесь? – Он пристально посмотрел мне в глаза.

– Нравится, – признался я. – Ожидал чего угодно, но не этого. И все равно не могу избавиться от легкого недоумения…

– Понимаю вас, – кивнул Якушин. – К сожалению, смерть – естественный процесс, она всегда рядом, никуда от нее не

денешься. Когда философски осмыслишь это понятие, чувство «легкого недоумения» пропадает, уверяю вас. Мы не знаем, что произойдет с нами через минуту. Можем что-то съесть, подавиться и умереть. Мы не знаем, что произойдет с нашими близкими. Существование в этом мире зыбко и недолговечно. Вам никогда не приходила мысль, что гарантировать в этом мире можно одно: то, что все мы однажды умрем? Ничего другого гарантировать нельзя. Работа, личная жизнь, друзья, родственники… Все в мире шатко и зыбко, может измениться в любой момент. Мы даже не можем гарантировать, что после этого солнечного дня наступит вечер – ведь всегда есть ничтожно малая вероятность, что прилетит астероид, разнесет все к чертовой бабушке, и уже не будет ни дня, ни вечера. – Якушин засмеялся. – А смерть – вот она, рядом… Рискну высказать то, во что вы не поверите. Пока, во всяком случае, не поверите. Все, что в данную минуту нас окружает, продлевает жизнь и наполняет ее смыслом. Другими словами, мысли о смерти чистят организм. Рассуждаешь о своей смертности – без паники, с философским смирением – практически гарантия, что проживешь долгую жизнь.

Он что-то недоговаривал. Но меня это совершенно не касалось.

– Что такое смерть, Сергей Борисович?

Он не удивился вопросу, возможно, ждал его. Пожал плечами.

– Переход на другой уровень. Как-то так.

Я вздохнул. К чему все эти беседы? Не пора ли переходить к делу? Собеседник внимательно изучал мое лицо.

– Вы не верите в сверхъестественное, Никита Андреевич?

– В бога, что ли? – буркнул я.

– В сверхъестественное.

– Это вещи разного порядка?

– Определенно да. Первое придумали люди, второе существует независимо от нас и наших знаний о нем. Вроде электрического поля… Но не буду заморачивать вам голову, возможно, вам это и не понадобится. Не хочу оскорблять ваши атеистические чувства.

– Я не атеист, – проворчал я. – Никогда не буду с пеной у рта доказывать, что бога нет. Может, и есть, мне все равно. Я не религиозен.

– А все же признайтесь, – у собеседника задорно заблестели глаза, – вы прибыли сюда с тяжелого похмелья – уж простите за правду. У вас была непростая ночь, что-то с личной жизнью не в порядке, нерешенные проблемы, психологический груз прошлого – рискну предположить, что это военное прошлое. Вы уже час на нашей территории. Вам легче?

– Да, – кивнул я.

– Постойте под куполом крематория, – посоветовал Якушин. – Проблемы решатся, здоровье улучшится… – Его пристальный взгляд словно вскрывал мою черепушку. – Не сразу, конечно, но со временем – обязательно.

– Спасибо, я подумаю.

– Атаракс? Фенибут? – Он продолжал поражать своей проницательностью. – Но препараты слабые, верно? Они не помогают. Сейчас вы перешли на сильный транквилизатор, рискну предположить, что это феназепам.

Я молчал. Нет, не мог он об этом знать из «открытых источников». Да и зачем? Я никому не рассказывал, в социальных сетях своими проблемами не делился.

– Если хотите, можете рассказать.

И самое смешное, что я начал рассказывать – через смущение, неловкость, как будто у нас обоих вагон времени и нам больше нечем заняться! Сам я не местный, родом с Искитима, но в город переехали, когда мне стукнул год. Детство и юность в Новосибирске, дважды бросал учебу в электротехническом институте, отсюда и пошло – служба в десанте, недолгая гражданская жизнь, контракт, военное училище, «силы специальных операций» – говоря по-простому, спецназ. Дагестан, Осетия, Чечня. В 12 году – Ливия. Миссия секретная, страну разорвали на куски, Каддафи уже прихлопнули в ходе наступления на его последний оплот в Сирте. Формально наша группа охраняла гуманитарный конвой, фактически – все покрыто мраком. Спецслужбы не раскрывают свои тайны. В обстановке секретности погрузили в пикапы на аэродроме ящики с секретной документацией, повезли в Аль-Шейх. Кто-то предал – слил информацию исламистам. Группа подверглась нападению, потеряли три джи-

па, но сохранили пикапы и костяк отряда. За груз тряслись, как за мать родную – резонно подозревали, что там не тюльпаны! Пикапы прорвались в заброшенные автомастерские, там и держали полтора часа оборону от семи десятков исламистов. Из двенадцати человек – четверо погибших, двое ранены (по счастью, выжили, но из спецназа ушли), а перед вашим покорным слугой долбанула реактивная граната, и весь мир после этого стал фиолетовым. Бронежилет и шлем уберегли от осколочных ранений, но заработал тяжелейшую контузию, несколько компрессионных переломов, после чего долго восстанавливались зрение и слух. Надо мной работали психологи, неврологи, офтальмологи – то самое дитя без глаза у семи нянек. Службу пришлось оставить, вернулся в родной город. В полицию не взяли – по здоровью не прошел, невзирая на всяческую поддержку Вадима Кривицкого. Домучил на заочном отделении электротехнический институт, который в мое отсутствие вырос до технического университета. Вертел диплом и не мог понять, куда сунуть эту бумажку? Ладно, пусть будет. Напряг своих знакомых, того же Вадима – получил лицензию частного детектива, и вот уже без малого три года…

– Вы третью сигарету курите, – подметил Якушин. – Впрочем, понимаю, это помогает…

– Рискну предположить, что в вашем хозяйстве происходят неприятные события, и вам потребовались услуги сыщика со стороны, – сказал я. – Позвонили мне – предваритель-

но наведя справки. Теперь колеблетесь, присматриваетесь. Позвольте вопрос: почему я?

– Ну это просто, – улыбнулся Якушин, – вы же сын Андрея Васильевича?

И вновь настал черед удивляться.

– Да, но он умер перед моим возвращением в город. До последнего скрывал, что с сердцем непорядок…

– Я знаю. Ведь я окончил пединститут, работал военным переводчиком. Мы неоднократно пересекались с вашим отцом – он был прекрасным и надежным человеком. Потом переписывались, пару раз ходили друг к другу в гости. Я даже вас помню. – Якушин засмеялся. – Но вы тогда были ниже этой лавочки. Когда мы снова встретились, он занимал пост в штабе СибВО, а я уже заведовал здешним хозяйством. Не слушал ваш папа мои советы, на все имел особое мнение, которое не всегда оказывалось верным… Конечно, я позвал вас не по знакомству, наводил справки. Вы способный малый, помогли полиции, когда та зашивалась в поиске «Снегиревского» маньяка, а вы его засекли в «Ленте» на «Родниках», где он спокойно пополнял продуктовую корзину, сообщили, куда следует, а потом двумя ударами вбили в багажник его же машины, где он терпеливо дождался сотрудников ППС…

– Так была ориентировка, были приметы…

– Да, но всех окружающих граждан это почему-то не касалось. Только вы его вычислили, а потом проявили скромность, отдав все лавры полиции.

– Ага, попробуй им не отдать…

– Потом вы следили за неким гражданином Б, банковским сотрудником, которого некая гражданка Цэ, начальница отдела того же банка, заподозрила в мошенничестве, а обращаться в полицию боялась, резонно полагая, что там гражданина прикрывают. В итоге ниточка, которую вы распутали, вывела на след запрещенной религиозной группы и связанных с ней отдельных товарищей из руководства НИИТО. Эти лавры вы также отдали полиции, да и правильно – собственное спокойствие дороже.

– Но вы узнали…

– Но я узнал, – согласился Якушин. – Не пугайтесь, все в порядке. Еще вопросы, Никита Андреевич?

– Почему верблюд? – Я покосился на «корабль пустыни», рядом с которым стояли несколько гражданских лиц.

– Ну и вопросы у вас, – улыбнулся Якушин. – «Почему я», «почему верблюд»… Честно говоря, не знаю. Просто понравился, решил купить. От животных исходит успокаивающая энергетика. Их можно даже не трогать, просто находиться рядом. Людям, чей близкий человек десять минут назад отправился в печь, крайне не повредит немного успокоиться, нет? С таким же успехом я мог обзавестись маралом, страусом, зеброй… Пойдемте, хватит курить.

Второй корпус был сильно вытянут, и в нем оказался только один зал. Знакомая клетка на полу, и как-то веселее: скелеты разъезжали на «исторических» велосипедах, смерть в

черном балахоне и с косой. В начале экспозиции было много статуэток, икон, крылатые ангелочки из «желтого металла», помпезные яйцеобразные урны, в которых можно было похоронить целую роту. Дальше пространство разделялось на отсеки.

– Здесь мы иногда устраиваем квесты, – сообщил Якушин. – Поначалу люди робеют, нервничают. Но потом привыкают, даже нравится. Этапы достаточно необычные: нужно выжить в камере пыток, выбраться из закрытого гроба, из запертого снаружи холодильника в морге… В этом зале на «Ночь музеев» в позапрошлом году мы устраивали бал – «Танго смерти»… О, вы уже не меняетесь в лице, Никита Андреевич, – похвалил Якушин. – С чем и поздравляю. В передней части зала мы проводили выставку, посвященную Советскому Союзу и Великой Отечественной войне – и экспозиция там была не только похоронного характера. Далее у нас постоянные коллекции – прошу. Каждый участок посвящен похоронным традициям разных государств. Представлена атрибутика Древнего Египта, африканские божки, испанские, мексиканские изделия, одежда и аксессуары. Сейчас вы заходите в североамериканскую часть – скоро мы ее закрываем…

– Почему? – Я бегло разглядывал знакомую по голливудским фильмам атрибутику: лакированный гроб за бешеные деньги, звездно-полосатое полотнище, макет надгробия, парадную форму морпеха под стеклом.

– Да ну их, – отмахнулся Якушин, – надоели. Африканская и египетская коллекция гораздо интереснее и разнообразнее.

Означенные коллекции действительно представляли интерес. Я прильнул к египетской «витрине». Она представляла чуть не весь «погребальный» пантеон: остроухий Анубис – страж некрополей и изобретатель бальзамирования; Амсет – божество погребального культа; астральное божество Хапи, охраняющее и сопровождающее умерших… Сфинксы, мумии, кованые культовые аксессуары, отдаленно напоминающие кресты. На мексиканском участке – какие-то трещотки, всевозможные маски, трубки, фигурки, саванные покрывала с жизнеутверждающими яркими рисунками.

– Не во всех культурах похороны – скучный и печальный процесс, – пояснял Якушин. – Человек покинул этот мир, перешел на более высокую ступень – ему хорошо. Нам, конечно, плохо, что его теперь с нами нет, зато за него можно порадоваться. Похоронные ритуалы у некоторых народностей – бурные и экстатические. Да что далеко ходить? В Новом Орлеане до сих пор хоронят под джаз. Нанимают музыкантов, те начинают за упокой, потом разогреваются – и стартуют бодрые композиции. В завершение похорон устраивают массовые танцы – и всем хорошо, весело… А вот от этой штуки я бы вас предостерег, – предупредил Якушин, обнаружив мой интерес к африканской коллекции. Видимо, эта штука тоже применялась в похоронных племенных «иг-

рах». На вид что-то среднее между булавой и детской погремушкой. Гладкую рукоятку венчал череп – явно не взрослого человека. Рукоятка намертво крепилась с черепом. Коллекцию дополняли бусы, причудливые ожерелья, страшноватые статуэтки, маски из черного дерева, покрытая лаком человеческая челюсть. Две аналогичные славные игрушки – но гораздо меньшего размера, и черепа явно принадлежали младенцам.

– Вы что имеете в виду? – уточнил я.

– Крупную «колотушку», – объяснил Якушин. – Атрибут похоронного хозяйства одного из племен Центральной Африки. Лучше не спрашивайте, откуда мне досталось все это благолепие. Держитесь от нее подальше. Эта штука отчаянно фонила, насилу справились. Хотели выбросить, но жалко стало. Сейчас она вполне безобидна, но мало ли что…

– Что вы имеете в виду под словом «фонила»? – Я сглотнул.

– Зря я это сказал, – виновато улыбнулся Якушин. – Слова «магия», «колдуны», «злой дух», «грязная энергетика» – не из вашего лексикона, верно? Будем считать, что я ничего не говорил.

– Ага, – поддержал я шутку. – Кажется, догадываюсь. На вас работает армия колдунов и магов, которые чистят заряженные грязной энергией экспонаты.

– Именно, – кивнул Якушин, учтиво сдержав улыбку.

– Тогда зачем вам частный детектив, если все проблемы

могут решить волшебники, причем одной левой?

– Ладно, не будем это здесь обсуждать. – Сергей Борисович крякнул, посмотрел на меня как-то странно. – Пойдемте на воздух, Никита Андреевич.

Глава третья

Мы сидели на лавочке недалеко от колумбария, я снова курил. Якушин, по его утверждению, бросил эту вредную привычку лет семнадцать назад. У колумбария возилась женщина, вытирала пыль в своей нише, меняла сухие цветы в вазочке. На парковку подъезжали машины, по Парку Памяти гуляли парочки.

– Возможно, мы и доживем до того времени, – вздохнул Якушин, – когда на кладбища люди будут приходить, как в парк, гулять с детьми, назначать свидания… Кстати, на городских кладбищах Лондона это давно укоренившаяся традиция. Для людей эти места не ассоциируются со зловещим миром мертвых – это место, где можно отдохнуть, развеяться, подышать свежим воздухом…

«Не ближний свет сюда пилить, чтобы подышать свежим воздухом», – подумал я.

– Итак, вы осмотрелись, – заключил Сергей Борисович. – Сможете выразить одним словом ваши впечатления от увиденного и прочувствованного?

– Уютненько… – пробормотал я.

Якушин от души засмеялся.

– Спасибо, Никита Андреевич, ответ принимается. Вы сегодня получили скромный, но все равно положительный заряд. Ждите приятное событие – пусть мелочь, пустяк, но оно

вас порадует и развеселит. Предвосхищаю ваш вопрос: если следовать этой логике, в хозяйстве некоего Якушина должны царить благодать и гармония. Зачем ему частный сыщик? Но здесь все сложно. Собственной детективной службы у нас нет, приходится подыскивать людей на стороне. В музее и вблизи него происходят странные события, Никита Андреевич, – перешел к цели моего визита Якушин. – Раньше здесь действительно было мирно. Первый случай произошел ровно месяц назад – 28 апреля. В зале на втором этаже главного корпуса вспыхнул пожар. Позднее выяснилось, что коротнула проводка в стене. Пострадала часть зала у окна – сгорела стена, оконная рама, пара стеллажей, безвозвратно утеряны несколько ценных артефактов – шкатулки, медальоны, пара настенных мемориалов, сохранившихся с середины XIX века. Вызвали электриков, ремонтников, последствия устранили в течение пары дней – на это время зал пришлось закрыть. Пострадавшие артефакты заменили другими. Только отдышались, утром 1 мая в подвале пробило трубу, и залило практически весь первый этаж. Был праздник, посетителей пришлось эвакуировать, и персонал вместе с охранниками бегал с ведрами. Кое-что пострадало от воды – до слез обидно, хотя все это можно пережить. Как и в первом случае, последствия устранили. Четвертого мая была совершена попытка ограбления. Двое молодых людей пытались вынести икону позапрошлого века, изображающую христианского мученика Акакия, которому римляне отрубили голо-

ву, и из раны, согласно преданию, вытекли кровь и молоко. Один отвлекал внимание сотрудниц музея, другой под курткой вынес икону. Их догнали охранники в парке, скрутили – одному нашему парню при этом разбили губу, у второго трещина в ступне…

– Сочувствую, – пробормотал я. – Крепкие орешки попались…

– Уверен, вы бы все сделали изящнее и бесшумно, – вздохнул Якушин. – Но мои люди спецназов не кончали. Икона разбилась… в общем, все печально. Прибыла полиция, увезла воришек. У них был очень бледный вид, обоих рвало… – Сергей Борисович как-то загадочно усмехнулся. – Но дело, как говорится, сделано. Мы понесли убытки, снова нервы, пришлось на время прекратить работу… Седьмого мая моего бухгалтера сразил инсульт – прямо на рабочем месте. Человека срочно увезли в больницу, откачали. Сейчас он на больничном, когда выйдет, и выйдет ли, неизвестно. А человеку всего сорок девять, любитель физкультуры и здорового образа жизни… 10 мая в главном зале обрушилась часть потолка – это случилось ночью, как ни странно, ни один экспонат не пострадал. Заменили часть потолочного покрытия, несколько плиток в полу. Впору обзаводиться собственной ремонтной бригадой быстрого реагирования… – печально пошутил Якушин. – И знаете, так удачно упали эти плитки – четко между домовиной XVIII века и застекленными стеллажами с урнами…

– Но я немного не понимаю… – начал я.

– Потерпите. Хотя все равно не поймете… 14 мая экстренно госпитализирован начальник нашей охраны Колесов. Он тоже находился в главном здании. Потерял сознание. Врачи диагностировали тромб в бедре, срочно провели операцию – вскрыли, все, что нужно, достали, зашили. Сейчас он, естественно, на бюллетене… 18 мая рухнули леса на задней стене главного корпуса – там трещина пошла по стене, меняли часть кладки. Словно кто-то подпилил – но этого точно не было. Конструкция сложилась, трое рухнули – вместе с ведрами, носилками, инструментами… Я потом ругался с их прорабом – неужели руководство музея должно следить за безопасностью рабочих? В принципе, опять же – все живы, но проблема налицо – тяжелый ушиб, сломанная нога, перелом грудной клетки… 21-го числа, после успешно проведенного во втором зале «Бала смерти», приуроченного к «Ночи музеев», явились сотрудники районной налоговой инспекции, потребовали предъявить всю документацию с начала года. Ну, это, знаете ли, нонсенс… – По лицу Якушина было видно, что он действительно в недоумении, – Подобных глупостей в нашем заведении никогда не случалось, трудно представить более примерного плательщика налогов, чем наше предприятие. Снова нервы, въедливые вопросы, пришлось напрячь людей по своим каналам… Несколько часов нервозности, потом все кончилось, и до сих пор не понимаем, что это было… 23 мая с лестницы в главном корпу-

се упала посетительница, дама средних лет, вывихнула ногу. Вы знаете, это надо суметь. Она сумела. Достоверно выяснили – никто ее не сталкивал. Дама оказалась совершенно нормальная, с юмором, сама не понимает, почему подвернулась нога. Мы вызвали медиков, я предложил ей компенсацию – хотя ума не приложу, в чем виноват музей… Дама отказалась, шутила, что требует бесплатный годовой абонемент…

– Могу представить, как начинается ваш каждый рабочий день, – посочувствовал я. – Нервы на пределе: а что сегодня случится? Я действительно сочувствую, Сергей Борисович. Но позвольте замечание: ну и что?

– В целом все нормально, – пожал плечами Якушин. – Люди живы, последствия устранены, ущерб досаден, но в пределах, как говорится, допуска. Каждый случай по отдельности – рядовое событие, может случиться где угодно и у кого угодно. Проблема в том, что за истекший месяц таких досадностей случилось больше, чем за все предыдущие пять лет. Неприятности сконцентрированы на небольшом отрезке времени, и неизвестно, что будет дальше. Такое ощущение, что нас о чем-то предупреждают: мол, пока еще цветочки, дальше будут ягодки…

– Но вы же понимаете, что это не умышленное вредительство? Ну хорошо, можно при умении обрушить леса, устроить поджог и пробить трубу. Но тромб у начбеза, инсульт у бухгалтера, нашествие налоговой инспекции, вывих ноги на лестнице…

– Согласен, Никита Андреевич. – Якушин сухо улыбнулся. – К инциденту на лестнице может быть причастен только призрак – если игнорировать тот факт, что дама сама проявила неловкость…

– Кстати, насчет призраков. – Я начинал понемногу смелеть. – Если некий экспонат испускает вредоносные миазмы – или как это у вас называется, – неужели штатные маги не могут его выявить?

– Ваш вопрос исполнен сарказма, но направлен в точку, – усмехнулся Якушин. – Наши, как вы выразились, штатные маги недоуменно разводят руками.

– И вся надежда – на традиционные методы дознания, – заключил я. – Простите, Сергей Борисович…

– Да что вы, не извиняйтесь. Вашего брата я видел на своем веку предостаточно. Даже не пытаюсь вас в чем-то убедить – предпочитаю естественный процесс. Все перечисленное – для расширения кругозора. Ума не приложу, что тут может сделать частный сыщик. Теперь о последнем случае – он произошел буквально вчера. Я уверен, и на этом настаивает все мое естество – что данное событие связано с предыдущими… – От меня не укрылось, как подернулось бледностью лицо собеседника. Он быстро сжал и разжал кулаки. До этого Сергею Борисовичу удавалось держать себя в руках. – Вчера был выходной день, но музей работал. В крематории тоже проходили процедуры прощания с усопшими. Посетителю музея стало плохо. Это произошло около четырех ча-

сов пополудни. В музее находились несколько человек. Я сидел в служебном помещении рядом с входом – вы его видели, изучал документацию по цеху танатокосметики…

«В рюмочной», – подумал я.

– Извините, что перебиваю, Сергей Борисович. Воскресенье, послеобеденное время, вы занимаетесь служебными делами… Это в порядке вещей? Вы не отдыхаете?

– Это и есть мой отдых, – недоуменно пожал плечами Сергей Борисович. – Плохо понимаю ваш вопрос. В будние дни совершенно невозможно справиться со всеми делами, для меня не проблема приехать сюда в воскресенье. Когда по графику случается относительно свободный день, я беру выходной… Я услышал шум в зале, вышел. Мужчина бился в судорогах на полу – примерно в районе «Марка-Гробокопателя». К нему спешили посетители музея, которых в этот час было, мягко говоря, немного, спешила наша Лариса – вчера у нее был такой же рабочий день. Никто не знал, что делать. На мужчину было страшно смотреть. Все это очень напоминало эпилептический припадок – но не думаю, что это был он…

– Почему?

– Во время припадка эпилепсии больной теряет сознание и у него западает язык. Этот человек сознания не терял, и с языком все было в норме – он мог говорить, хотя и не сказать, что трещал, как балаболка. Судороги – да, беспорядочные движения, откинутая голова, бег зрачков – тоже было.

Он тяжело дышал, обливался потом, пена шла изо рта. Похоже, он рухнул с лестницы, ведущей во второй зал, пытался от чего-то отползти. На шум сбежались Лариса и посетители – их было четверо. Мужчина средних лет, женщина пенсионного возраста и молодая пара. Лариса кинулась звонить в «Скорую». Когда я подошел, девушка подкладывала ему под голову свою сумочку. Ее спутник был растерян – как и все остальные. Пострадавшему на вид около сорока, рост чуть выше среднего, короткая стрижка, одет обычно – серый костюм спортивного покроя, тонкая кофта под горло. Обычное, немного скуластое лицо, ничего примечательного. Он тужился, пытался подняться. Лицевые мышцы словно заморозило. Вы бы видели, какой страх был в его лице… – Якушин передернул плечами – и почему-то в этот момент я тоже живо представил описанную сцену, и стало не по себе. «Включение» было недолгим, оставило неприятный осадок. – Это не просто припадок или сердечный приступ, уверяю вас. НЕЧТО вызвало это состояние…

– Почему у других не вызвало? – снова бестактно перебил я.

– Замечательный вопрос. Именно поэтому вы здесь. Но не забегайте вперед. Мужчина пытался подняться, что-то хрипел. Слова различались, в принципе, четко. «Уберите эту гадость… Она меня убивает… Почему она здесь…» Впрочем, за дословный «перевод» не ручаюсь. После всего случившегося я пытал Ларису – может, она обратила внимание на что-

то интересное? Увы, девушка бегала звонить медикам, видела меньше, чем остальные. Потом мужчина замолчал, тяжело дышал. Когда приехала «Скорая» – а она приехала быстро, потому что медики находились на вызове в нашем поселке Восход – он находился в сознании, но говорливостью, мягко говоря, не отличался. Товарища погрузили в машину, сразу увезли…

– Куда?

– Да, я спросил. 12-я клиническая больница Дзержинского района. Это улица Трикотажная. На подстанцию «Скорой помощи» было бы ближе – врач звонила при мне. Но сказали везти в 12-ю. Я догадался взять телефонные номера у очевидцев события – на всякий случай. Адреса не оставили, но телефоны дали. Позднее я скину их вам по СМС. Примерно через час я позвонил в 12-ю больницу, чтобы справиться о состоянии больного. Знаете, что они мне ответили? Пациент сбежал! Только привезли, поместили в палату, сделали укол – как он изволил сделать ноги! Врачи собирались взять анализы, провести диагностику… А он уже вскочил, нашел свою одежду – и был таков. Видели, как он убегал по коридору…

– Что о нем известно?

– Документы не показал, вцепился в свою сумочку – отнять не смогли. Когда везли, назвал лишь фамилию: Кротов. Что характерно, мне поведала по телефону дежурная медсестра: когда его доставили в приемный покой, он был уже

практически в норме, только глаза бегали и сам был белее мела. В принципе, я не сильно расстроился – человек жив, это главное.

– Что я должен сделать?

– Собрать информацию по Кротову, а лучше всего – доставить его сюда. Думаю, это только первая часть работы…

– Минуточку, Сергей Борисович. – Я усердно наморщил лоб. – Найти неизвестно кого неизвестно где – это нормальная работа для частного сыщика. Я не понимаю другое. Либо вы что-то недоговариваете… При всем уважении, Сергей Борисович, вы нанимаете меня только потому, что вам что-то подсказывает интуиция? Не перебор ли?

– Нет, не перебор. Это сложно и долго объяснять, Никита Андреевич. – Он пристально смотрел мне в глаза. – Есть люди, которым интуиция заменяет информацию. Она не ошибается. Во всяком случае, не припомню, когда она в последний раз подкладывала мне свинью. Вам не нужны деньги?

– Очень нужны, – смутился я. – А ваша интуиция не подсказывает, что вы ошиблись с выбором детектива?

– Нет. Это не засада, Никита Андреевич, не ловушка и не попытка что-то сделать чужими руками. Это работа по вашей специальности, за которую я плачу деньги. Закройте глаза на этот… – Якушин задумался, – легкий мистический флер и просто делайте свою работу. Согласны?

– Да, разумеется.

– Отлично. – Я заметил, как он испустил облегченный

вздох. – Ждите сообщения по СМС с номерами свидетелей. Больницу найдете сами. Впрочем, не буду вам подсказывать. С этой минуты вы можете смело, а главное, бесплатно входить в любые помещения на этой территории – охрану известят. И последнее. Пока не уезжайте. Не позднее чем через полчаса с вами свяжется человек, которого я командирую вам в помощь. Работайте вместе. Можете ему доверять.

– А это еще зачем? – удивился я.

– Этот человек не будет претендовать на ваш гонорар и ваше первенство в расследовании, – успокоил меня Якушин, и в глазах его заблестели какие-то озорные огоньки, заставившие меня напрячься. – Увы, Никита Андреевич, это не обсуждается. Человек в курсе всего. Неизвестно, с чем придется столкнуться. Специалист данного профиля должен находиться рядом. Можете мне звонить в любое время суток. Удачи!

Ох уж эти загадочные намеки и недосказанности… Он уходил, не оглядываясь. Я тоже не первый год на «ответственной работе», видел, что его снедает беспокойство, иногда граничащее со страхом. Сергей Борисович явно что-то недоговаривал. «Мистический налет» мне тоже решительно не нравился. Жизненный опыт свидетельствовал: любая «мистика» имеет банальное объяснение. Я понимал в глубине души, что человек такого ранга не станет заниматься глупостями, но вера в «священный» материализм стояла незыблемо, не трещала, не гнулась – как каменный столб на ветру.

Я искренне не понимал, что происходит. Но оплата капала – какая, в сущности, разница? Я прогулялся по парку, посидел на лавочке, поразмыслил над кое-чем. Неловко признаться, но уезжать не хотелось. Здесь была какая-то особенная, расслабляющая атмосфера (если не смотреть на прибывающие автобусы), не хотелось возвращаться в шумный город. Телефон сработал через тридцать пять минут, абонент имел приятный, мелодичный и, что характерно, женский голос.

– Никита Андреевич Ветров? – осведомилась дама. – Здравствуйте. Этот телефон мне переслал Сергей Борисович. Я уже подъезжаю. Предлагаю через десять минут встретиться у фараона.

– И вас зовут… – начал я, но собеседница уже разъединилась. Я пожал плечами, выкурил очередную сигарету и через восемь минут уже бродил по второму корпусу музея погребальной культуры. Посетителей было немного. Парень с девушкой украдкой хихикали над «колотушкой», которую мне усиленно не рекомендовал Сергей Борисович. «Люда, это не фаллоимитатор, пойдем дальше», – сдавленно бормотал молодой человек. Возможно, это были студенты медуниверситета с крепкими нервами. В отделе, посвященном похоронным традициям Древнего Египта, никого не было. Я стоял рядом с «мумией Тутанхамона», изображая непонятно кого, и, видимо, впал в недвижимость, задумался – стоило шевельнуться, как испуганно отпрыгнула полная дама в больших очках. Минутой ранее она вошла в отдел и заинтересо-

валась мумией. Очевидно, я неплохо сливался с антуражем.

– О господи, – сказала она.

– Ради бога, простите, – взмолился я. – Это совсем не то, что вы подумали. Это вы мне звонили?

Она решила не связываться с подозрительным мужчиной, опустила глаза и бочком удалилась. Я стоял и чувствовал себя идиотом. Последующие минуты я снова посвятил знакомству со старыми товарищами: Анубисом, Амсетом и Хапи. Рассерженно зазвонил телефон.

– Я ничего не понимаю, – сообщил женский голос, усиленный раздраженными нотками. – Я жду вас уже десять минут, пристаю к незнакомым мужчинам – и все они не вы. У вас проблемы с пунктуальностью?

– Позвольте возмутиться, прекрасная незнакомка, – ответствовал я, – я тоже десять минут стою возле фараона и пристаю к незнакомым женщинам…

– У какого фараона? – К ноткам раздражения добавились откровенно злобные.

– Понятия не имею, он не докладывает. Мумия какая-то…

– Боже правый, какая прелесть… Фараон – это верблюд!

– Действительно прелесть, – подумав, согласился я. – Так, значит, завтра на том же месте, в тот же час? Стойте, где стоите, я сейчас подойду…

– А вот и нет, – злорадно отозвалась дама, – меня уже перехватили, я должна отойти в другое место. Не волнуй-

тесь, это на несколько минут. Знаете служебное помещение в главном корпусе музея – оно у входа? Ждите там, скоро буду…

Я задумчиво смотрел на отключившийся смартфон. У Сергея Борисовича оригинальное чувство юмора – навязал мне какую-то взбалмошную злыдню. Сотрудница Лариса кивнула мне, как старому знакомому, когда я вошел в музей. Я мотнул головой на открытую дверь, сделал вопросительную мину – дескать, у меня там назначено. Она кивнула.

– Да, располагайтесь. Сергей Борисович уехал с шофером на завод, вернется не скоро…

Присутствие Сергея Борисовича уже не имело значения, он сделал все возможное. Я по-хозяйски расположился за столиком лицом к входу, повесил сумку на спинку. Закурить не решился, воспользоваться кофемашиной тоже посчитал преждевременным. Поднялся, включил электрочайник, заварил пакетик «Липтона» в стеклянной чашке. Я задумчиво помешивал ложкой напиток, когда вошла высокая стройная женщина с короткой стрижкой, посмотрела на меня, убедилась, что больше никого тут нет. Я не спешил, это могло быть ложной тревогой. Но по взгляду понял, что это именно она, учтиво поднялся, отодвинул свободный стул, предлагая присесть. Она подумала, кивнула и присела, обняв миниатюрную сумочку. Недолгое время мы разглядывали друг друга. Она меня – критически, я ее – с интересом. Ничего такая. Лет тридцать, одета со вкусом, строго, но все рельефы фи-

гуры прекрасно прослеживаются. Волосы короткие, скорее светлые, чем темные, немного удлиненное лицо с тонкими губами и глазами цвета спелого салатного листа. Она была высокой (впрочем, с учетом каблуков). Я тоже не считаю себя садовым гномиком, но она была лишь на несколько сантиметров ниже меня.

– Итак, здравствуйте. – Женщина поздоровалась с отчетливыми нотками высокомерия. – Я Сташинская Варвара Ильинична, парапсихолог. Меня направил познакомиться с вами Сергей Борисович Якушин. Он просил оказать вам содействие в расследовании…

– Пара… кто? – Моя нижняя челюсть потеряла ориентацию в пространстве и решила отвалиться.

– Тогда уж «кто-кто-психолог», – вздохнула женщина. – Так, по крайней мере, будет логичнее. Варвара Ильинична Сташинская, парапсихолог, – повторила она. – Подрабатываю в музее у господина Якушина. Чем я тут занимаюсь, вам знать необязательно. Он рассказал, что вы собой представляете. Если угодно, у меня есть другая специальность – можете считать ее основной. Я работаю в Сибирском отделении Российской Академии наук… – А когда мои брови, в противовес челюсти, устремились вверх, добавила: – Архивист в ГПНТБ – государственной публичной научно-технической библиотеке…

– Не надо разжевывать, я знаю, что такое ГПНТБ, – пробормотал я. – Чаю, Варвара Ильинична?

– Спасибо, нет.

– Вы сегодня прогуливаете основную работу?

– Я в отпуске.

– Вы обиделись, что я не умею читать ваши мысли, не знаю, кто такой Фараон, и заставил вас целых десять минут проторчать в глупом положении?

– И не думала обижаться, – фыркнула она. – Подумаешь, десять минут в глупом положении…

– И что же я собой представляю, по мнению Сергея Борисовича?

– Это не его мнение, – глаза салатного цвета отвердели, в них заблестел холодок, – Сергей Борисович предельно интеллигентный человек и никогда такое не выскажет. Приходится додумывать. Косность мышления, сопротивление всему новому, неприятие всего, что выходит за рамки скудного менталитета…

– Вы откровенны, Варвара Ильинична, – крякнул я. – Идите уж до конца, назовите это узколобостью. Ваше первое впечатление – я вам не симпатичен. Понимаю. Это правда – до «предельной» интеллигентности мне очень далеко. Когда-нибудь вы объясните смысл этого термина. Что там, за пределом? Помимо прочего, я в прошлом военный, живу в неприбранной холостяцкой квартире, курю, ценю добрую выпивку, а вчера и вовсе подрался. Профессионализм – под сомнением, использую застарелые методы – слежка, опрос людей, копание в документах, в грязном белье… И

увы, Варвара Ильинична, для отдельных категорий населения понятия типа «парапсихология» – та же алхимия с астрологией. Хотя допускаю, что вы специалист в своей области. Чем похвастаетесь – телепатия, телекинез, мысленное внушение, ясновидение с яснослышанием? Возможно, пирокинез со спиритизмом или, не побоюсь этого слова, левитация?

Я думал, она обидится и уйдет, но она засмеялась. Это было странно. Я воздержался от комментариев. Из коридора заглянула Лариса, быстро посмотрела на «парапсихолога», потом на меня. Я с важностью кивнул – все в порядке, наводим мосты.

– Ладно, простите, Никита Андреевич, – миролюбиво сказала Варвара. – Жизнь не сахар, это все на нервной почве.

– Понимаю, – кивнул я. – У самого эта почва очень нервная.

Заиграла «Пионерская зорька». Варвара удивленно расширила глаза.

– Это из моего секретариата, – пояснил я. – Вы позволите?

– Да ради бога. – Варвара пожала плечами.

– С прискорбием сообщаю… – заурчала Римма Казаченко. – Несколько минут назад звонил потенциальный клиент, очень хочет воспользоваться услугами нашего агентства. Он считает, что это круче агентства Пинкертона… Я, кстати, не шучу, Никита. – Она перешла на нормальную речь. – Это профессиональный слуга народа, депутат, говорят, хороший

человек…

– Хорошего человека депутатом не назовут, – возразил я.

– Он заседает в Законодательном собрании, имеет маленький бизнес на Майорке, там же – скромную дачку, и просит за сумму, которую я по телефону боюсь озвучивать, прогуляться на упомянутый остров, чтобы последить за его женой, которая в данный момент находится там. Деньги на расходы, визы и документы господин берет на себя. Для него это вопрос его финансового благополучия. Нужны доказательства ее измены. Тогда, согласно условиям брачного контракта, она не сможет претендовать на половину имущества мужа. Я на перепутье, Никита. С одной стороны, так хочется махнуть на все рукой – на мужа, на грядки с чесноком, на непутевого ребенка с его сессией… Ответ нужно дать сегодня, вылет завтра.

Я закрыл глаза. «Ждите приятное событие – пусть мелочь, пустяк, но оно вас все равно порадует и развеселит…»

– Если вам не трудно, Римма Владимировна, сообщите этому депутату, что нам очень жаль, мы уже взяли работу и разорваться не можем. – Я украдкой наблюдал за реакцией Варвары. – Ему придется обратиться в другое агентство. А специально для вас я сегодня закажу на радио хорошую песню – «Пусть тебе приснится Пальма-де-Майорка».

– Ах ты змей, – сказала Римма. – То есть в юдоли кладбищенской печали все складывается выгодно и перспективно?

– Да, мы обсудили условия работы, встречаюсь с интерес-

ными людьми. В данный момент провожу переговоры с женщиной-парапсихологом, кандидатом околонаучных наук…

– Пара… кем? – поразилась Римма. – Каких наук?

– Околонаучных, – повторил я. Варвара смотрела исподлобья, сверлила меня, как электрическая дрель. Но я не мог избавиться от чувства, что она готова расхохотаться.

– Она молодая и симпатичная, – догадалась Римма. – Никита, действуй, это знак судьбы! Марина ушла, и черт с ней! Это было не твое! А это твое – я чувствую по твоему голосу! Пусть парапсихолог, пусть хоть эксперт по летающим тарелкам – мы выбьем из нее эту дурь! Ты собираешься с ней переспать?

– Нет, – сказал я, – это невозможно.

– Ладно, я поняла, – успокоилась Римма, – ты сейчас не можешь говорить – она сидит напротив и смотрит в твои честные глаза. Удачи, сыщик, я еще пару часов буду на связи. Мементо мори…

– Чего?

– Помни о смерти, говорю. Все, пока.

«Есть еще один перевод, – подумал я. – Не забудьте умереть».

– Девочка из секретариата? – как-то зловеще проурчала Варвара Ильинична.

– Не девочка, – уклончиво отозвался я. – Ответственная, добропорядочная работница, мать семейства. Нам придется отказаться от второго клиента…

– Да, я поняла, это денежный мешок с площади Свердлова… Что она спросила у вас? – Варвара морщила лоб, испытывая смутные подозрения. Значит, с телепатией проблемы, обрадовался я.

– Моя помощница интересуется, не собираюсь ли я с вами переспать. – Проще правду сказать, когда нечего соврать.

– И что вы сказали?

– Вы слышали.

– Мама дорогая, в какую же компанию я попала… – пробормотала Варвара.

Пришла эсэмэска. Я бегло ознакомился с ее содержимым. Это было то, что обещал Якушин. Часы показывали половину пятого – день неотвратимо приближался к завершению. Я задумчиво уставился на свою «надзирательницу». Пока не время выяснять, зачем Якушин ее ко мне приставил.

– Я правильно понимаю – вас дома не ждет жена и многочисленные отпрыски? – спросила Варвара. – Вы же сами об этом сказали?

– Глупо отказываться от своих слов, – согласился я. – А вас кто ждет?

– Никто.

Мне было безразлично. Прийти домой, сочинить какую-нибудь еду, потом включить очередной бандитский сериал по НТВ…

– Вы на машине? – Я допил чай и отставил чашку.

– Нет, меня привезло такси…

– И живете вы…
– На Нижегородской.
– Хорошо, когда закончим, я отвезу вас…

Глава четвертая

Вадим Кривицкий долго отнекивался, когда я попросил по старой памяти пробить адреса через телефоны. Конец рабочего дня, чем моя голова раньше думала?

– Моя голова раньше думала мозгами, – объяснил я. – И, надеюсь, продолжит это делать. Так вышло, Вадим, раньше не мог. Это не сложно, согласись – с вашими-то базами и новейшими технологиями. Вы уже всех маньяков переловили?

– Нет, не всех, парочка осталась, – смутился Кривицкий. – Ладно, уговорил, позвоню через час… Эй, подожди, у тебя новая работа? Кто заказчик?

– Заказчик расположен по адресу улица Военторговская, 4/1, – без обиняков отозвался я. – Жду звонка, товарищ капитан.

– Бравируете связями с полицией? – спросила Варвара, уставшая шататься вокруг машины.

– Нет, просто делаю все, чтобы облегчить свое расследование, – отрезал я. – Садитесь в машину, Варвара Ильинична.

Светофор на перекрестке Каменской трассы и улицы Шоссейной приветствовал зеленым светом главным образом тех, кто ехал по трассе. Желающим на него выбраться приходилось ждать и чертыхаться. Зеленый свет горел секунд десять, успевали проскочить лишь три машины. Поэтому

у перекрестка образовался затор. Варвара сидела нахохленная, поначалу что-то тыкала в телефоне, потом наскучило. Я украдкой посматривал на нее. У девушки был интересный, но «временно недоступный» профиль, она поджала губы, задумчиво хмурилась.

– У вас интересная фамилия. Вы потомок знатного польского рода? – сделал я попытку сгладить неловкость. – Эту фамилию я уже где-то слышал.

– Да, у нашей семьи давние польские корни, – отозвалась девица. – Когда-то мои пращуры были видными воеводами в федерации Речь Посполитая. Увы, мой род давно обрусел.

Судя по ее имени, этот род обрусел еще до беготни Сусанина по костромским болотам.

– Сташинский Богдан Николаевич, агент КГБ, пристрелил в подъезде Степана Бандеру. К счастью, этот человек не имеет отношения к нашему роду. Вы пытаетесь разрядить обстановку, Никита Андреевич. Предлагаю говорить только по делу, и тогда между нами все будет легко и непринужденно.

– Замечательно, – обрадовался я, – именно это я и хотел предложить. Вы в курсе этого дела?

– Да, я в курсе всего. Сергей Борисович меня полностью посвятил. Мы обследовали каждый проблемный случай, пытаясь найти в них общие моменты.

– У этих инцидентов нет ничего общего, – проворчал я, – кроме того, что они произошли в достаточно узкий проме-

жуток времени. Такое случается – редко, но случается. Оставим в покое высшие силы – как бы ни хотелось вам их сюда приплести…

– Заметьте, я старательно молчу, – сухо улыбнулась Варвара. – Не имею желания метать бисер…

– Перед свиньями, – закончил я. – До 28 апреля происходило что-то подобное?

– Не припомню. – Она покачала головой. – Дела у Сергея Борисовича шли успешно, мы заключили несколько выгодных договоров – с рекламщиками, с Тогучинской деревообрабатывающей фабрикой… Он вам рассказывал, что 12 мая его представители потерпели неудачу на переговорах с руководством Тульского мемориального комплекса? Те просто вышли из переговоров без объяснения причин.

– Нет, об этом он мне не рассказывал. Намекаете, что список майских неприятностей куда обширнее?

Я надавил на газ, и когда выехал на перекресток, мне уже зажегся красный. Но терпение лопнуло, ждать еще несколько минут – невыносимо. Аварийную ситуацию я, к счастью, не создал, но сиди в кустах гаишник, мой поступок его бы крайне обрадовал. За спиной возмущенно загудел грузовик, но не стал превращать мой зад в отбивную. Потом со стороны заправки, находящейся справа от нас, вынырнула грязная серая «Хонда» – и фактически подрезала грузовик. Терпение водителя оказалось на зависть – он и эту машину не стал таранить, сбавил скорость. Машинально отметилось –

эта «Хонда» не выезжала с заправки, она стояла в проезде, приткнувшись к бордюру, словно ждала кого-то. А когда я проехал, резко вынырнула, игнорируя несущийся следом грузовик. Поначалу я не придал этому значения – идиоты на российских дорогах множатся год от года. Потом мой затылок стало что-то неприятно царапать. Неприятные ощущения то отступали, то усиливались. Я испытывал дискомфорт. Шоссе сужалось, забирало в низину. Я сбросил скорость, ведомый необъяснимым чувством. И за спиной сразу образовалась кавалькада. Водители недовольно гудели. Встречное движение было незначительно. С грохотом и лязгом, выехав на встречку, меня обогнал грузовик. Затем отечественная «десятка». Начинался город, потянулись «сталинские дома», расширилась дорога. Мы проехали позеленевший Сад Дзержинского. Я вскинул глаза к зеркалу. На хвосте висел белоснежный «Лексус» – приклеился ко мне, как кобель к сучке. Что за привычка? Я терпеть не мог, когда водители так делали! Кошка перебежит у меня под носом – и белоснежное чудо японского автопрома останется лишь отвезти на автосвалку. Кто ехал за ним, я не видел. Я смотрел во все зеркала, потом стал дергаться, выворачивать шею.

– Ну и что мы вертимся, как Гоголь в гробу? – покосилась на меня Варвара.

«Лексусу» надоело обнюхивать мой задний бампер, водитель утопил педаль и промчался мимо, едва не оторвав мне зеркало. Позади него топтался пыльный «УАЗ» – «колхоз-

но-председательского» исполнения. Стало как-то легче. Может, почудилось?

– Разве Гоголь вертелся в гробу?

– Конечно, – удивилась Варвара. – Есть версия, что его похоронили в состоянии летаргического сна. В 1931 году вскрыли могилу у Даниловского монастыря, чтобы перенести останки на Новодевичье кладбище. Череп писателя был повернут, доски гроба исцарапаны изнутри. Не хотела бы я оказаться на его месте в тот момент, когда он очнулся…

Можно представить. Почтенный Николай Васильевич точно бы стал идейным вдохновителем восстания зомби, случись оно во второй половине XIX века! «В каждом гробу есть будильник, и поставлен он на день Страшного суда» – не помню, кто сказал…

Я проскочил на зеленый за квартал до Дворца культуры им. Чкалова, а дальше движение уплотнилось. Но не настолько, чтобы все колом встало. Конец рабочего дня, все куда-то ехали. Я поднял голову к зеркалу – и вдруг что-то липкое поползло по позвоночнику. Идущая за микроавтобусом серая «Хонда» вылезла из своего ряда – выдала себя! Водитель вернулся на полосу, но я ее уже засек. Это не могло быть случайностью. Он ждал на выезде с заправки, пока я проеду, теперь тащился за мной, прикрываясь другими машинами. Почему? Или все-таки случайность, первый звоночек от подруги паранойи? Я не успел рассмотреть номер «Хонды» – он не очень хорошо читался: весь покрытый грязью и пере-

вернутый в зеркале. Я снова прибавил скорость, проскакивая перекресток у ДК на желтый сигнал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.